

Вызовите акушерку. Прощание с Ист-Эндом

Автор:

[Дженнифер Уорф](#)

Вызовите акушерку. Прощание с Ист-Эндом

Дженнифер Уорф

Вызовите акушерку #3

«Прощание с Ист-Эндом» – заключительная часть трилогии «Вызовите акушерку», ставшей бестселлером и основой одноимённого сериала. Дженнифер Уорф расскажет новые истории – трагические, курьёзные и удивительные – из жизни обитателей Ист-Энда и о том, как сложились судьбы акушерок: мудрой и благородной сестры Джулианны, опытной сестры Бернадетт, ворчливой сестры Евангелины, упрямой и бесконечно обаятельной Моники Джоан, нежной Синтии, острой на язык Трикси, неуклюжей и забавной Чамми. Трилогия «Вызовите акушерку» сделала Дженнифер Уорф самым ярким летописцем ушедшей эпохи. Неважно, с какой части вы начнёте знакомство: в каждой из книг вы найдёте отдельные истории жителей Лондона 1950-х. Это книги о том, как люди, несмотря на бедность и трудные испытания, сохраняли чувство юмора, жизненную стойкость и веру.

Дженнифер Уорф

Вызовите акушерку. Прощание с Ист-Эндом

Copyrights © Jennifer Worth 2009

© CTM Productions Ltd. A Neal Street Production, фотография на обложке, 2017

© Дарья Горянина, перевод на русский язык, 2017

* * *

Синтии, за дружбу длиною в жизнь

Юность сгинет без следа

Кто-то сказал, что молодость лишь зря тратится на юных[1 - «Молодость – прекрасная штука. Какое преступление тратить её на детей» – это высказывание приписывают Джорджу Бернарду Шоу. Цитата в заголовке – из третьей сцены второго акта комедии Уильяма Шекспира «Двенадцатая ночь». – Здесь и далее: примеч. авт., если не указано иное.]. Это не так. Только молодые обладают импульсивной энергией, которая позволяет им с радостью добиваться невозможного; им хватает храбрости следовать указаниям сердца и приветствовать всё новое; у них есть силы без усталости трудиться днями и ночами. Молодые могут всё. Двадцать лет спустя никто из нас уже не способен на то, что с лёгкостью давалось нам в юности. Воспоминания по-прежнему с нами, но внутренний огонь уже угас.

В горячую пору молодости, в двадцать с небольшим, я отправилась работать окружной акушеркой в пострадавший от бомбардировок Ист-Энд. Это не было каким-то призванием – меня просто тянуло к приключениям. Мне хотелось чего-то не похожего на прежнюю обыденную жизнь – какого-то испытания, вызова, проверки на прочность, нового направления. Я отправилась в Ноннатус-Хаус[2 - Акушерки Святого Раймонда Ноннатуса – это псевдоним. Я назвала их так в честь святого Раймонда Нонната, покровителя акушерок, акушеров, беременных, рожениц и новорождённых. Он появился на свет в Каталонии в 1204 году посредством кесарева сечения (non natus на латыни значит «не рождённый»). Его мать, что неудивительно, умерла при родах. Он стал священником и скончался в 1240 году.] – небольшую, как я думала, частную больницу. Оказалось, что это монастырь сестёр Святого Раймонда Нонната. Обнаружив

свою ошибку, я чуть не сбежала, подхватив неразобранные сумки. К монахиням я не стремилась. Мне казалось, что я тут не приживусь. Мне хотелось впечатлений, а не религии. Тогда я этого не понимала, но на самом деле мне не хватало и того, и другого.

Монахини так и притягивали приключения. Они бесстрашно ходили повсюду: по тёмным улицам и подворотням, мрачным лестницам, портам, борделям; вступали в схватки с разбушевавшимися арендаторами и мужьями – им всё было по силам. Мудрая, неумолимая, благородная сестра Джулианна, всегда готовая пошутить, вдохновляла нас на подвиги. Спокойная послушница Рут и просвещённая сестра Бернадетт вызывали у нас уважение и даже некоторый трепет своими обширными познаниями и опытом в акушерском деле. Неприветливая, ворчливая сестра Евангелина поражала и смешила нас своей вульгарностью. А уж несносная сестра Моника Джоан! Как описать эту упрямую, шальную, бесконечно обаятельную даму, которую как-то судили за воровство (но оправдали)?

– Небольшое недоразумение, – говорила она. – Не стоит об этом.

Глядя на сестёр, мы также бесстрашно седлали велосипеды посреди ночи и в одиночку отправлялись в самые опасные районы Лондона, где даже полицейские ходили только по двое. Мы мчались по неосвещённым улицам и переулкам, мимо жутких пустырей, где собирались наркоманы; мимо портов, чью ночную тишину нарушали только скрипы и стоны кораблей, покачивающихся на швартовых; мимо огромной, тёмной, молчаливой реки; мимо борделей на Кейбл-стрит и мрачных сутенёров. Мимо... Хотя нет, не мимо... А напрямик в крошечный домик или квартиру, где было тепло и светло, где ждали появления младенца.

Мы с коллегами обожали каждый момент этого процесса. Синтия, чей голос звучал, словно музыка, и чья спокойная, нежная улыбка могла упорядочить любой хаос. Сообразительная и острая на язык Трикси. Чамми, белая ворона в своём колониальном семействе – слишком высокая и неуклюжая, чтобы стать частью общества: она не верила в себя, пока не занялась акушерством и не оказалась настоящей героиней.

Молодость тратится на юных? Только не в нашем случае. Пусть те, кто тратит эти годы зря, сожалеют об упущенных возможностях. Пережитого опыта, приключений и опасностей нам бы хватило на целую жизнь. Как радостно

вспоминать об этом в старости: солнечные лучи, освещающие чёрные дома, сверкающие трубы пароходов, выходящих из порта, шутки и заботу кокни, или же постоянный недосып и бесконечные ночные вызовы; пробитую шину и полицейского, который её латал, беготню по баржам вместе с сестрой Евангелиной, удушающий сизо-жёлтый лондонский смог в тот день, когда Кончита родила недоношенного младенца, или же то Рождество, когда мы приняли ребёнка, родившегося ногами вперёд; бордели на Кейбл-стрит, куда угодила малютка Мэри, и где жила старая миссис Дженкинс, терзаемая воспоминаниями о работном доме.

Я вспоминаю молодость, когда всё казалось новым и ярким, когда ум постоянно задавался вопросами, искал ответы и впитывал знания, когда любовная боль была такой острой, что, казалось, могла удушить. А радость такой концентрированной, что из-за неё можно было лишиться рассудка.

Входят трое в ресторан

Извозчики говорят, что рабочая лошадка всегда найдёт путь в стойло, и в конце дня её шаг становится легче, – она понимает, что скоро её ждёт мягкое сено, еда и вода. Так же чувствовали себя и мы, акушерки, направляясь домой после вечерних обходов.

Прохладный, но мягкий ветер обдувал меня, пока я катилась по Коммершиал-роуд и Ист-Индия-Док-роуд по направлению к тёплой кухне Ноннатус-Хауса и – главное – ужину. Я была молода, здорова и голодна, и позади был долгий день. Пока я крутила педали, мои мысли в основном занимал домашний хлеб миссис Би. Эта женщина творила настоящие чудеса, а я знала, что сегодня утром она месила тесто. Кроме того, я размышляла о задачке, которую рассказал Фред за завтраком. Мне не удавалось её решить – трижды девять будет двадцать семь, да плюс два – двадцать девять, так куда делся ещё один шиллинг? «Чушь какая-то, не мог же он раствориться в воздухе! Интересно, нашли ли ответ девочки. Возможно, Трикси и догадалась, в чём дело, она вообще хорошо соображает», – думала я.

Ветер дул мне в спину, ехать было легко, и я прибыла домой в превосходном настроении. Но Трикси ехала с востока, преодолела две мили[3 - Примерно три

километра. – Примеч. ред.] против сильного ветра и, что неудивительно, была несколько раздражена. Мы убрали велосипеды и отнесли сумки в процедурную – правила гласили, что все инструменты следовало немедленно мыть, стерилизовать, пересчитывать и паковать заново на случай внезапного ночного вызова. Чамми – она же Камилла Фортескью-Чолмели-Браун – опередила нас.

– Быстреей, черепашки вы мои! – бодро крикнула она.

– Только не сейчас, – простонала Трикси. – У меня нет сил. Я не черепашка, и уж точно не чья-нибудь. Я замёрзла, у меня болят колени, я умираю с голоду, и мне надо разобрать сумку перед ужином.

Чамми тут же преисполнилась сочувствия.

– Прости, старушка, не хотела тебе задеть.

Я только что сложила салфетки – возьми, сложу себе ещё. А автоклав уже разогрелся до ста восьмидесяти градусов, я включила его минут двадцать назад, когда пришла. Мы сейчас вмиг с этими сумками разберёмся. Вы видели, что миссис Би утром пекла хлеб?

Мы видели. Миссис Би не только пекла лучший хлеб к северу от Темзы, ещё она специализировалась на джемах, соусах чатни и готовила убийственные кексы и пироги.

Упаковав сумки, мы вышли из процедурной и отправились в кухню за ужином – простой трапезой, которую готовили себе сами. Кульминацией дня был обед – мы все собирались за большим столом, обычно по двенадцать-пятнадцать человек, включая гостей. Сестра Джулианна возглавляла сообщество. Присутствие монахинь и, зачастую, приглашённого духовенства, придавало обеду некоторую формальность, и мы старались вести себя наилучшим образом. Не то что ужин: мы все, включая сестёр, возвращались в разное время, поэтому обычно перекусывали на кухне. Все держались – и беседовали – куда свободнее, чем днём.

Кухня была просторной, возможно, построенной в викторианские времена. В эдвардианскую эпоху её переделали и с тех пор чуть подновили. Под высокими окнами (никто не мог дотянуться до них, даже Чамми) стояли две большие

каменные раковины. Вода поступала в большие тугие краны через трубы, тянувшиеся по всей кухне и прикрепленные к стене металлическими креплениями. Когда мы поворачивали рукоятку, трубы булькали и тряслись, и краны то неохотно выдавали тонкую струйку, то щедро плевались водой – приходилось отскакивать, чтобы нас не намочило. Над раковинами висели деревянные подставки для тарелок, а по бокам высились столы с мраморными столешницами: здесь миссис Би месила тесто, оставляла его доходить, укрыв тканью, и выполняла прочие волшебные ритуалы, необходимые для приготовления хлеба.

У второй стены стояли большая газовая и угольная плиты, причём последняя была с духовкой и дымоходом, который уходил вверх по стене и скрывался где-то в потолке в пятнадцати футах[4 - Примерно четыре с половиной метра. – Примеч. пер.] от пола. Горячая вода поступала из бойлера, а потому Фред, наш разнорабочий и ответственный за быт, был крайне важной личностью – даже миссис Би приходилось с этим считаться. Они оба были кокни, и между ними существовало хрупкое, настороженное перемирие, которое то и дело выливалось в перебранки на диалекте: обычно это происходило, когда Фред опять устраивал беспорядок на сверкающей кухне миссис Би, а она обрушивалась на него. Миссис Би представляла собой дородную даму с внушительным бюстом, а Фред даже по меркам кокни был щупловат, но держался твёрдо и сражался до последнего. Между ними вспыхивали настоящие битвы, но миссис Би понимала, что сёстры без Фреда не обойдутся, и раз за разом на кухне воцарялось спокойствие.

Миссис Би была права: Фред вечно устраивал беспорядок. Во всём было виновато его невероятное косоглазие – один глаз смотрел на северо-восток, другой на юго-запад, так что Фред мог глядеть в обоих направлениях одновременно, но только не прямо перед собой. Зачастую, когда он выгребал золу или подбрасывал уголь, содержимое лопаты разлеталось во все стороны. Он кое-как подметал, но, как правило, сор тоже не попадал куда следует. Зола покрывала всё вокруг, и миссис Би... можете себе вообразить!

Мы приготовили себе хлеб с сыром и чатни, финики с яблоками и несколько баночек лимонной помадки, джема и мармелада. Все мы ценили еду, поскольку выросли в войну, в пору строгих рационов. Ни одна из нас в детстве и в глаза не видела банана или шоколадки. Нас воспитывали на яйцах и крохотных кусочках сыра, которых должно было хватить на всю неделю. Хлеб, как и всё остальное, строго дозировался, и роскошнаястряпня миссис Би вызывала у нас стоны

восторга.

- Чур мне корочку.

- Так нечестно, ты её в прошлый раз ела.

- Тогда давай поделим.

- Может, и с другого края срезать?

- Нет, тогда зачерствеет.

- Давайте бросим жребий.

Не помню, кто выиграл, но мы договорились.

- Вы решили задачку Фреда? – спросила я.

- Сложно сказать, – ответила Чамми с набитым ртом и удовлетворённо вздохнула.

- На мой взгляд, чушь собачья, – заметила Трикси.

- Это не чушь, а вопрос арифметики, – ответила я и отрезала себе ещё сыра.

- Ну, можешь размышлять об арифметике, старушка, а у меня есть вопросы и поинтереснее. Передай мне чатни.

У Чамми, что неудивительно, всегда был отличный аппетит.

- Оставь что-нибудь Синтии, – сказала я. – Она вот-вот придёт, и чатни она очень любит.

- Ой, простите! – Чамми отложила половину порции обратно в банку. – Вот я жадина. А где она, кстати? Должна была с час назад вернуться.

– Видимо, задержалась, – ответила Трикси. – Нет, дело в другом, уверяю тебя. У меня в школе была почётная грамота, и я тебе говорю, это не арифметика.

– А что? Трижды девять будет двадцать семь, так меня учили, плюс два – двадцать девять.

– Верно. И что?

– И где ещё один шиллинг?

Трикси впала в ступор. Ей не удалось придумать ответ с ходу, а она предпочитала реагировать на всё мгновенно.

– Это какое-то надувательство, вот что, – заявила она. – Фред, как обычно, жульничает.

– Ну-ка, ну-ка, кто там обвиняет меня в жульничестве, позвольте спросить?

Фред вошёл в кухню с лотком угля в одной руке и ведёрком золы в другой. Голос его звучал дружелюбно, и он весело улыбался беззубым ртом (не совсем, впрочем, беззубым, поскольку один зуб там всё же имелся: большой жёлтый клык). К его нижней губе прилипла изжёванная папироса.

Трикси, очевидно, не испугалась, что обидела хорошего человека, – напротив, она негодовала.

– Ты нас точно дуришь с этой загадкой про ресторан.

Фред взглянул на неё тем глазом, что вечно смотрел на северо-восток, переместил папиросу в противоположный угол рта, пососал зуб и хитро подмигнул.

– А, то есть по-вашему это надувательство? Ну так скажите мне, в чём подвох, мисс Трикси, вы же умная.

Фред осторожно опустился на колени перед печкой и открыл заслонку. Трикси готова была взорваться, но Чамми спасла ситуацию.

– Знаешь что, старушка, надо проверить, остался ли там кекс. Наша миссис Би – настоящее сокровище. Я два года жизни потратила на кулинарную школу Кордон Блю, фаршировала там сливы беконом, инжир – рыбой и делала прочую ерунду. Но там такие кексы никто не пёк.

Пока мы наслаждались десертом, Трикси успокоилась.

– Оставьте кусочек Синтии, – сказала Чамми. – Она вот-вот придёт.

– А что, ваша тихоня ещё не вернулась? Пора б уже.

Фред то и дело дразнил нас, но при этом искренне о нас заботился. Он поворошил угли кочергой.

Я по-прежнему считала, что Трикси неправа. Я весь день думала об этой загадке и теперь мне не терпелось выяснить ответ.

– Фред, я хочу разобраться. Входят трое в ресторан, так?

– Так.

– И платят за обед тридцать шиллингов, так?

– Верно.

– То есть по десять каждый, правильно?

– Да ты умница, я погляжу!

– И официант отдал тридцать шиллингов кассиру, так? – продолжала я, не обращая внимания на его саркастический тон.

– Так.

- ...который сказал, что на самом деле еда стоила двадцать пять шиллингов. Всё сходится?

- Пока что да. А дальше что было?

- Кассир отдал пять шиллингов официанту.

- Ну надо же, просто вундеркинд! В школе, небось, в любимчиках ходила, а?

- Не мешай. Официант подумал, что посетители не узнают, и отдал им три шиллинга, а два прикарманил.

- Вот ведь проныра, а? Ну да ничего, такое за всеми водится.

- Не суди по себе!

- Посмотрите-ка, какая цаца!

- Вот здесь я начинаю путаться, - вмешалась Трикси. - Если каждый взял себе шиллинг сдачи, то каждый заплатил девять, а не десять.

- А трижды девять будет двадцать семь, - заговорили мы наперебой, - а вместе с двумя шиллингами у официанта - это двадцать девять. Так куда делся тридцатый шиллинг?

Мы непонимающе переглянулись. Фред продолжал ворошить угли в печи, что-то насвистывая.

- Фред, куда делся шиллинг? - требовательно спросила Трикси.

- Ну хочешь, золотце, обыщи меня, - ответил тот.

- Не говори ерунды! - Трикси опять завелась. - Немедленно скажи...

- А вы подумайте, - отрезал Фред. - Я вынесу золу, а вы пока что пораскиньте мозгами.

В этот момент на кухню вошли Рут и сестра Бернадетт.

- Какой ответ?

- Девочки как раз пытаются догадаться.

Пока сёстры готовили себе ужин, мы пересказали им задачку. Послушница Рут отличалась вдумчивостью и тут же погрузилась в размышления.

- Ничего не понимаю, - сказала она. - Не складывается. А где Синтия?

- Ещё не вернулась.

- Пора бы, если у неё только вечерний обход.

- Видимо, задержалась.

- Похоже на то. Хлеб потрясающий. Миссис Би просто фантастически печёт. Наверное, секрет в том, как месить и когда остановиться.

Трикси вытащила карандаш и бумагу.

- Надо разобраться. Не мог же шиллинг куда провалиться.

Она принялась записывать, но цифры не сходились, и она вновь разозлилась. И тут её осенило:

- Давайте возьмём спички вместо шиллингов! - Она вытащила коробок из духовки и высыпала его содержимое на стол. - Мы будем тремя посетителями, Рут - официанткой, а сестра Бернадетт выступит кассиром.

Она пододвинула к нам с Чамми горку спичек.

- Так, Рут, ты официантка - повесь на руку полотенце и подойди к нам со счётом. Бумажка сойдёт. Возьми с нас тридцать шиллингов.

Рут с энтузиазмом включилась в игру. Мы отсчитали по десять спичек и отдали ей.

Сестра Бернадетт сделала себе бутерброд и молча за нами наблюдала.

- Вы будете кассиром, сядьте вон туда.

Монахиня укоризненно взглянула на Трикси и передвинула стул к концу стола.

- Нет, подальше. Расположитесь у раковины!

Сестра взяла свой бутерброд и послушно уселась там, где ей сказали.

- Теперь официантка берёт счёт и отдаёт его с деньгами кассиру, - скомандовала Трикси. - Кассир смотрит в счёт, видит, что там ошибка, и говорит... Ну говорите.

- Здесь ошибка, - сказала сестра Бернадетт. - Обед стоит двадцать пять шиллингов, а не тридцать. Возьмите пять шиллингов сдачи и отдайте их гостям.

Она вручила Рут пять спичек.

- Неплохо, - снисходительно сказала Трикси. - Очень неплохо. Так, что дальше делает официантка?

- Я вижу шанс подзаработать, - ответила благочестивая послушница и с хитрой улыбочкой сунула две спички в карман.

- Всё верно. Продолжайте.

Рут вернулась к столу и отдала нам три спички. Мы взяли по одной.

- Отлично, - воскликнула Чамми. - Целый обед всего за девять шиллингов!

- И я заплатила девять, - сказала я. - А ты, Трикси?

– Девять. Похоже, что девять, потому что... вот тут-то и начинаются сложности! – воскликнула Трикси. Она была недовольна, поскольку обычно у неё был готов ответ на любой вопрос. – Трижды девять будет двадцать семь... слушайте, мы где-то ошиблись. Давайте всё сначала.

Мы снова пододвинули к себе горку спичек.

– Рут, ты опять будешь хитрой официанткой.

В этот момент в дверях появилась сестра Джулианна.

– Зачем вам столько спичек? И когда это Рут успела стать хитрой официанткой? – спросила она со смехом. – Как её наставница я не могу одобрить подобное.

Мы разложили спички и пересказали задачу сестре Джулианне.

– Ах, Фред, старый лис! Он всем задаёт эту задачку. Он вас просто дразнит – ещё никто её не разгадывал, и вы вряд ли справитесь. Мне нужна Синтия. Где она?

– Ещё не пришла.

– Ещё не пришла? Так где же она? Уже почти девять. Она должна была закончить обход к половине седьмого или семи. Куда она запропастилась?

Мы вдруг почувствовали себя виноватыми – пока мы набивали животы и бились над какой-то дурацкой задачей, никому и в голову не пришло выяснить, почему Синтии так долго нет.

Войдя в кухню, Фред застал конец разговора. Пока мы обменивались тревожными взглядами, он спокойно сказал:

– Не волнуйтесь, сестра, с ней всё в порядке. Задержалась, ничего страшного. Вы ж знаете, как мы, кокни, говорим: у нас монахини в безопасности. Ничего с ней не будет. Скоро придёт.

– Мне кажется, она у Джессопов, сестра, – сказала Рут. – Их ребёнку уже две недели, и миссис Джессоп сегодня ходила в церковь на очистительную молитву. После этого женщины обычно празднуют, и Синтию, наверное, пригласили остаться.

Сестра Джулианна, по-видимому, слегка успокоилась, но всё же сказала:

– Думаю, вы правы, но нам уже пора собираться на вечернюю службу. Сестра Ли, не могли бы вы съездить к Джессопам, пока мы молимся?

Дом Джессопов был всего в десяти минутах езды, и по пути я размышляла об этом странном обычае – очистительной молитве. До приезда в Ноннатус-Хаус я и не слышала о ней. Насколько я знала, мои бабушки, мама и тётки не практиковали ничего подобного, но женщины в Попларе никуда не выходили после родов, пока священник не «очистит» их. Возможно, это был способ отблагодарить Бога за появление ребёнка или же за то, что всё прошло хорошо, – традиция появилась в те времена, когда роды часто заканчивались смертью. Впрочем, истоки могли быть ещё более древними – возможно, всё началось в ту пору, когда женщина после родов считалась «грязной» и нуждалась в ритуальном очищении. Церковь приняла этот обряд и встроила его в свою практику – так произошло со многими языческими обычаями.

У Джессопов явно гуляли – женский смех в их доме был слышен издали (мужчин на такие праздники не пускали), и некоторое время мне не удавалось достучаться до хозяев. Когда дверь наконец открылась, меня буквально втащили внутрь и сунули в руку стакан. Пришлось высвободиться и объяснить цель своего визита. Синтии здесь не было. Она пришла в половину седьмого, но как ни уговаривали её остаться, без четверти семь она уже ушла.

Когда я вернулась в Ноннатус-Хаус, сёстры выходили из часовни. Обычно в этот час наступало время обета молчания – в монастыре существовал обычай соблюдать тишину после вечерней молитвы. Но тот вечер выдался шумным. Сестра Джулианна тут же позвонила в полицию, но там не слышали ни о каких несчастных случаях, и никто из монахинь не обращался к ним за помощью. Тогда она велела всем нам отправиться на поиски на велосипедах, отметила на карте районы, которые Синтия посещала во время вечерних обходов, и потребовала выяснить, когда точно Синтия приходила к пациентам и покидала их. Сестре

Евангелине было уже за шестьдесят и позади у неё был долгий рабочий день, но она вытащила велосипед и отправилась на поиски пропавшей девушки. Фред не умел ездить на велосипеде и решил обыскивать окрестные улицы пешком. В Ноннатус-Хаусе остались только сестра Джулианна с сестрой Моникой Джоан – всё же мы занимались акушерской практикой, и к нам могли обратиться в любой момент.

Встревоженные, мы покинули дом и разошлись в разные стороны с наказом позвонить сестре Джулианне, если у нас будут хорошие новости. Не знаю, о чём думали остальные пока мы колесили по улицам, но я переживала за Синтию. В этом районе теснились полуразрушенные брошенные дома, перемежаемые пустырями. То и дело попадались уничтоженные бомбардировками развалины, где спали наркоманы. Опасность была повсюду, хотя вряд ли кто-то из нас когда-либо чувствовал угрозу. Фред совершенно справедливо сказал, что монахиням нечего бояться в окружении кокни. Мы все знали, что форма оберегает нас, и что сестёр здесь уважают и даже почитают за заботу о местных женщинах. Ни один мужчина не напал бы на монахиню – а если бы и напал, тем хуже для него, поскольку ему пришлось бы за это поплатиться.

И всё же... Синтия исчезла, и мне никак не удавалось выбросить из головы мысли о том, что это всё же опасный район, и братья Крэй[5 - Братья-близнецы, контролировавшие большую часть организованной преступной деятельности в Ист-Энде в 1950-х и 1960-х годах. – Примеч. ред.] навели здесь свои порядки. Я встретила двух полицейских. «Интересно, – подумала я, – полицейские всюду ходят парами, а монахини – поодиночке, даже посреди ночи». Я поговорила с ними, но в тот вечер они не видели других монахинь и не слышали ничего подозрительного. Они пообещали держать ухо востро. Я заглянула в несколько домов из списка Синтии, но она покинула их три часа назад.

Назад я возвращалась в мрачном настроении.

Я заворачивала во все переулки и даже периодически звала Синтию по имени, но её нигде не было.

Около десяти вечера, по дороге в монастырь, я увидела, что со стороны туннеля Блэуолл движутся два силуэта – мужчина со знакомой мне хромотой, который катит перед собой велосипед, а рядом с ним какая-то женщина. Сердце у меня

так и замерло, и я поспешила вперёд с возгласом: «Синтия!» Это действительно оказалась она, и я чуть не расплакалась от радости.

- Слава Богу, что ты в порядке! Где ты была?

- Так, пару раз прокатилась по туннелю, - ответил за неё Фред.

- По туннелю? На велосипеде? Не может быть!

Синтия молча кивнула.

- Тебя же могли сбить!

- Знаю, - сказала она. - Чуть не сбили.

- Как ты туда попала?

Она не в силах была говорить, поэтому мне ответил Фред:

- Не знаю уж, как она туда попала, знаю только, что я нашёл её на выходе, еле живую от усталости.

- Фред, какое счастье, что ты её отыскал!

- Да я ж ничего такого и не сделал, только велосипед прикатил.

- Спасибо, - благодарно прошептала Синтия.

Мы привели её в Ноннатус-Хаус. Большинство уже вернулось без каких-либо хороших вестей, поэтому наше неожиданное появление вызвало всеобщий восторг. При свете мы увидели, в каком она состоянии - грязная, вымазанная машинным маслом и источающая сильный запах бензина.

Выпив чашку чая, Синтия наконец смогла рассказать о случившемся.

– Не знаю, как так вышло, но я случайно заехала не на ту полосу, и мне пришлось въехать в туннель со всеми машинами, а внутри уже было невозможно остановиться или развернуться... Дорога пошла под откос, и мне нужно было мчаться всё быстрее и быстрее, потому что вокруг оказались одни грузовики...

Фред, считавший себя героем вечера, закончил её историю. Никто из нас не бывал в туннеле, и Фред рассказал, что это – извилистый проезд под Темзой, соединяющий Поплар с Гринвичем. Строили его в расчёте на автомобили викторианской эпохи, и для современных грузовых машин места там не хватало. Два грузовика могли разъехаться, только если прижимались к стенам вплотную. Синтию легко могли раздавить – она не могла спешиться, поскольку встать было негде: дорогу от стены отделял низкий цементный барьер шириной в двадцать дюймов[6 - Примерно пятьдесят сантиметров. – Примеч. ред.]. Приходилось ехать вперёд, несмотря на рёв моторов, удушливые выхлопы и ослепляющий свет фар. На выезде из туннеля дорога пошла в гору, и Синтии пришлось поднажать на педали. Самое неприятное, что бедной Синтии пришлось ехать в гору против ветра – худшее сочетание из всех возможных.

А потом предстояла обратная дорога.

Удивительно, как быстро молодые люди приходят в себя после происшествий. Синтия не пострадала физически – она просто сильно испугалась и очень устала. Мы хлопотали вокруг неё – посадили у печки, и Фред вывалил на железный лист перед очагом горящие угли, чтобы было теплее. Рут вскипятила воду, вылила её в тазик, добавила столовую ложку горчицы и велела Синтии сунуть ноги в воду. В тепле Синтия снова зарумянилась. Чамми срезала корочку с хлеба и сделала бутерброд с сыром и остатками чатни. Трикси принесла кекс. Сестра Джулианна приготовила огромную кружку какао.

Синтия откинулась на спинку стула и вздохнула:

– Не знаю, как это случилось. Когда я поняла, что происходит, выбраться было уже невозможно. Настоящий кошмар. Слава Богу, что всё позади. Какой же вкусный хлеб!

Она откусила бутерброд и хихикнула:

– Не знаю, кстати, видели ли меня полицейские. Наверняка там нельзя ездить на велосипедах!

– Да, думаю, ты нарушила правила, – сказала сестра Джулианна. – Кажется, в туннель нельзя заезжать даже на мотоциклах, не говоря уж о велосипедах! Мне надо сообщить в полицию, что мы тебя нашли, но я не скажу, где именно.

– Лучше вообще им ничего не говорить, – вмешался Фред. – Если ничего не знают, то ничего и не сделают.

– Слушай, Фред, – сказала Синтия, – я весь день вспоминаю твою задачку и я никак не могу понять, в чём дело. Входят трое в ресторан...

– Нет, только не это! – воскликнула сестра Джулианна. – Пойду-ка я спать.

Не доверяйте морякам

Лицо Рут напоминало лик боттичеллевского ангела. У мужчин в Попларе не хватало смелости заговорить с ней: огромные серые глаза, белоснежная кожа, ровные зубы и нежная улыбка словно повергали их в ступор. Дело было не в том, что они опасались монахинь – с остальными они общались свободно. Возможно, их обескураживали её изысканные манеры, благородство и очарование. Если кто из них порой и думал: «Какая жалость, что она монашка», то сказать этого вслух не решался никто.

Ей было около двадцати пяти – по возрасту она была ближе к нам, чем к сёстрам, но она не являлась одной из нас. Рут принадлежала к монашескому ордену, а поскольку она всё ещё проходила новициат, правила для неё были куда строже, чем для старших сестёр. Её призвание дарило ей практически осязаемую радость, которая освещала изнутри её прелестные черты. Кроме того, она закончила обучение и стала квалифицированной медсестрой и акушеркой. После учёбы её готовность посвятить себя религии должна была пройти испытание. В течение двух лет она была аспиранткой, после чего постулянткой, затем начались два года новициата. При этом правила ордена требовали от неё ещё двух лет обучения: в конце первого и второго года она

должна была дать временные обеты, а в конце третьего – вечные. Нелегко решиться на такой шаг, но Рут, казалось, вовсе не тяготилась своим выбором. Церковь для неё была естественной средой обитания.

Но была в Рут и ещё одна черта, о которой вряд ли кто-то догадывался, кроме нас, её подруг.

Жители Поплара уж точно не знали её такой, да и старшие сёстры тоже. На самом деле Рут была невероятной хохотушкой – она могла рассмеяться совершенно неожиданно, и её смех казался невероятно милым. Её веселило буквально всё подряд. Это её качество, как правило, проявлялось за столом, пока мы готовили ужин – особенно, если мы собирались вдвоём-втроём до прихода старших сестёр. В это время мы по обыкновению рассказывали, как прошёл день, и Рут хохотала над любой мелочью, будь то отвалившаяся педаль у велосипеда или унесённый ветром чепец. Она буквально хваталась за бока, обливаясь слезами от смеха. Нам передавалось её веселье, и ужин с сестрой Рут неизменно повышал всем настроение.

Кроме того, она была великолепной актрисой и могла изобразить кого угодно. Особенно часто доставалось сестре Монике Джоан:

– Вижу, что переменчивые эфирные тона опускаются в земную слизь и освещают... о, да тут кексы с маслом и джемом!

И мы заливались хохотом.

Однажды вечером мы лакомились сэндвичами с сыром и чатни и оладушками с мёдом, как вдруг услышали тяжёлую поступь сестры Евангелины.

Я побаивалась её, так как она совершенно явно меня недолюбливала и считала, что я абсолютно всё делаю неправильно. Она, как всегда, недовольно фыркнула, после чего сухо сообщила:

– Сестра Ли, сестра Скаттербрейн, надо поговорить.

Внутренне сжавшись от ужаса, я торопливо вскочила и опрокинула баночку с мёдом.

- Да, сестра.

За моей спиной стояла Рут. Потом меня мучило несварение желудка, которое я заработала на нервной почве.

Рут лучше всех изображала характерный говор кокни. Ей идеально удавались и детские капризы, и материнская брань, и крики уличного зазывалы. После тяжёлого дня она обычно приговаривала:

- Фу-ты, ну-ты, где ж моя чашка чаю да кекс, будь они неладны, надо б нам чаю хлебнуть, да, крошка? Да с моряцким пирожком, а?

Мы хохотали до слёз, хотя знай Рут, что значит это выражение, она вряд ли бы его повторяла. Мы часто слышали его в порту, но вряд ли из нас кто-то понимал, о чём идёт речь. Видимо, мы полагали, что имеется в виду что-то вроде фруктового кекса с ромом.

Телефон зазвонил в половину второго ночи. Трубку взяла Рут.

- Ноннатус-Хаус слушает.

- Мне дали ваш номер и сказали позвонить, когда будут схватки, - ответила ей женщина с мягким ирландским акцентом.

- Назовите ваше имя и адрес.

- Кэтлин О'Брайан, Собачий остров, Меллиш-стрит, сто сорок четыре.

Рут не припомнила, чтобы женщина с таким именем и адресом проходила предродовой осмотр - да и беременных с ирландским акцентом среди пациенток не было.

- Вы наблюдаетесь у нас?

- Не знаю.

– Ну, у кого-то же вы наблюдаетесь.

– Что это значит?

– Это значит, что врач наблюдает за вашей беременностью, принимает у вас роды и ухаживает после.

– Вот как.

Последовала долгая пауза.

– В общем, не понимаю, что это значит, но у меня тут вроде как схватки, и мне сказали вам позвонить. Вы приедете? Мне очень больно.

– Как часто идут схватки?

– Ну, точно я вам не скажу, часов у меня нет, но довольно часто, и боли сильные, и... ох, у меня заканчиваются монетки, сейчас нас разъединят. Собачий остров, Меллиш-стрит...

Разговор прервался.

Рут оделась и отправилась в кабинет, чтобы порыться в отчётах об осмотрах беременных. Кэтлин О'Брайан среди них не было. Возможно, женщина наблюдалась где-то ещё, но адрес этого учреждения можно было выяснить, только добравшись до Меллиш-стрит. Рут вывезла из сарая велосипед и уже почти тронулась с места, но вдруг остановилась. Может, взять с собой медицинские инструменты? Мало ли что! Она сбегала в кабинет и захватила сумку.

Рут катила по притихшим улицам и окончательно взбодрилась от холодного воздуха. Меллиш-стрит отыскалась легко – она была перпендикулярна реке. Здесь стояли грязноватые высокие дома, фонарей не было, и номера разглядеть не удавалось. Рут слезла с велосипеда, отсоединила фонарь и посветила на дом, надеясь увидеть табличку с номером. Это был дом двадцать. Она продолжила свой путь по булыжной мостовой, с трудом крутя педали.

Вдруг тишину нарушил женский голос:

- Вы медсестра?

- Да, я ищу дом сто сорок четыре.

- Вы меня ищете, золотце, как хорошо, что вы тут.

Этот мягкий ирландский акцент невозможно было не узнать. Беременная девушка застонала и привалилась к стене, сморщившись от боли. Она зажала себе рот руками, чтобы не закричать, и наружу вырвался сдавленный вопль. Рут подхватила её – это была совсем ещё юная девочка, едва ли старше восемнадцати, хрупкая и с огромным тяжёлым животом. Схватка была долгой и болезненной, но постепенно она сошла на нет, и девушка рассмеялась:

- Вот это было недурно! Мама-то мне не говорила, что будет так худо.

- Вам не следовало выходить на улицу.

- Да я боялась, что вы потеряетесь.

- Надо было послать кого-нибудь.

- Некого.

- Как, вы рожаете в одиночку?

- А что ж мне ещё делать?

- Так, ладно, пойдём в спальню, пока не началась следующая схватка.

- У меня комната на третьем этаже, и сейчас я себя нормально чувствую.

Рут подхватила сумку, взяла девочку за тонкую руку, и они вместе вошли в дом. Внутри царилась кромешная тьма – пришлось вернуться к велосипеду за фонарём. Его свет выхватил из мрака узкую лестницу. Они проследовали мимо нескольких

закрытых дверей, но здесь ничто не указывало на присутствие человека. На втором этаже девушка застонала и начала тяжело дышать, согнувшись пополам от боли. Рут встревожилась: возможно, наступил второй этап родов. Она подхватила Кэтлин и вдруг ощутила на ногах тёплую жидкость – у неё отошли воды.

– Быстро вверх, – скомандовала Рут. – Ещё один пролёт. Надо добраться до комнаты. Нельзя же вам рожать на лестнице.

Схватка прошла, и девушка улыбнулась.

– Да я дойду, сестричка, не беспокойтесь. Как не болит, так вроде и ничего.

Она на удивление легко преодолела ступеньки, и они вошли в тёмное помещение, стылое, словно могила.

– Хорошо, что у вас фонарь, – весело сказала Кэтлин, – а то у меня монеток хватало либо на телефон, либо на свет. Видать, сами ангелы подсказали мне выбрать первое.

При свете фонаря было видно, что это невероятно унылая, голая комната. У стены стояла грубая деревянная кровать, на провисших пружинах лежал грязный матрас с подушкой. Ни простыни, ни наволочки, только два серых армейских одеяла. Помимо кровати в комнате были только столик, стул и комод – ни ковра, ни занавесок. На столе стояла эмалированная миска и кувшин с холодной водой. Рядом с дверью висел счётчик. В те дни в большинстве домов и квартир за электричество надо было расплачиваться монетами с помощью таких счётчиков – когда оплаченный период заканчивался, электричество отключали. Каждая акушерка носила в кармане шиллинг, поскольку внезапно погасший свет в нашей работе мог привести к беде. Рут забралась на стул, вставила в счётчик монетку и повернула ключ. Лампочка под потолком тускло осветила комнату. Теперь можно было разглядеть роженицу – тонкие черты лица, рот прелестной формы, ярко-голубые глаза и потрясающие бронзовые волосы. Кэтлин сидела на кровати, держась за живот, и посмеивалась:

– Не верьте морякам! Вот что ждёт доверчивую девушку! Как вас звать, сестра?

– Рут.

- О, да так мою мать звать, а она говорит...

- Слушайте, Кэтлин, у нас нет времени на разговоры. Потом расскажете мне про маму. Ребёнок появится на свет уже скоро, раз у вас отошли воды. Раздевайтесь и ложитесь на кровать, я вас осмотрю. Где ваш родовой набор?

- Что это такое?

- Беременным выдают коробки со всякими вещами для домашних родов - простынями, ватой, полотенцами. У вас это есть?

- Нет.

- Вам должны были всё это выдать. Где вы наблюдались?

- Мне сказали вам позвонить, когда начнутся схватки.

- Это вы уже говорили. Кто вас осматривал во время беременности?

- Никто.

- Никто? То есть вас вообще не проверяли?

- Да я и не говорила никому, что беременна. Мама с бабкой точно б меня убили. Они вечно талдычили, не доверяй, мол, морякам, а я не послушала их, дурочка, вот и результат.

Кэтлин бодро похлопала себя по животу, но тут же поморщилась:

- Снова начинается...

Боль пронзила её тело, и она запрокинула голову - на лбу выступили капли пота, и по её лицу было видно, как все физические и умственные ресурсы брошены на одно невыносимое усилие.

Времени было мало. Рут вытащила из сумки стетоскоп, халат, перчатки и маску. Крышка контейнера с инструментами послужила подносом, где расположились лотки, банки, антисептические средства, ножницы, стерильная вода, шприц, иглы, вата и марлевые тампоны, катетеры и пинцеты. Кроме того, у акушерки были с собой хлоралгидрат, бромистый калий, опийная настойка и петидин в качестве обезболивающего. Также из сумки были извлечены зажимы для перевязки пуповины, присыпка и генцианвиолет для стерилизации.

Знания и опыт подсказывали Рут, что женщину, рожаящую впервые и не получившую никакого ухода во время беременности, следует немедленно везти в больницу. Но чтобы это устроить, пришлось бы спуститься на улицу к телефонной будке, а процесс должен был начаться уже вот-вот. Ребёнок мог бы родиться за время её отсутствия. Рут оглядела тоненький матрас из конского волоса, старые пружины... В комнате не было ни простыней, ни клеёнки, ни бумаги, ни впитывающих салфеток. Не было здесь и колыбельной, одежды для младенца или хотя бы детского питания. Помещение не отапливалось, и в нём царил жуткий холод. Кувшин с водой имелся – но согреть её было нечем. Освещения не хватало, а из дополнительных источников света наличествовал только велосипедный фонарь. Но акушерок учили импровизировать и находить выход из любых ситуаций.

Схватка прошла, и Кэтлин с облегчением вздохнула.

– Ох, так-то лучше. Вот когда немного отпускает, мне нормально.

– Мне следует послушать сердцебиение ребёнка и осмотреть вас. Нужно понять, сколько у нас времени. Прилягте, пожалуйста.

Рут ощупала живот роженицы, чтобы понять, как лежит плод. Сердцебиение слышалось отчётливо, и акушерка порадовалась, что малыш в порядке. Надевая маску и перчатки для вагинального осмотра, она сказала:

– Вы, кажется, не приготовились к родам. Здесь нет ни кровати, ни одежек.

– Ну у меня и времени-то не было, я только вчера из Ирландии.

– Что? Вы вчера приплыли на пароме?

- Да.

- Но вы же могли родить в пути!

- Могла, да не родила. Видать, ангелы за мной смотрели.

- А как же вы из Ливерпуля попали в Лондон?

- Меня подвёз водитель грузовика.

- Вы же могли разрешиться прямо в машине!

- Ангелы... - беззаботно пожала плечами Кэтлин.

- И когда вы приехали?

- Сегодня утром. Мне дали этот адрес и имя хозяина. Это единственное, чем мой морячок мне помог.

Кэтлин оглядела комнату и довольно улыбнулась.

- Поднимите колени, пожалуйста, и раздвиньте ноги. Мне нужно осмотреть вас. Воды отошли, и надо понять, насколько у вас раскрылась шейка матки и в каком положении ребёнок.

Но времени на вагинальный осмотр уже не было. Началась очередная схватка, и Кэтлин скорчилась от боли. Матка сокращалась всё сильнее, и боль нарастала. Рут восхищалась тем, как девочка справляется со схватками - за последние сутки её однозначно вымотала дорога в Лондон. Она наверняка устала, проголодалась, а в комнате не наблюдалось никакой еды. Ей не дали никакого обезболивающего, однако она не кричала и не жаловалась. Схватка стала сильнее, и тут Кэтлин непроизвольно задрала ноги и со стоном начала тужиться. Рут еле-еле успела прижать ладонь к показавшейся макушке младенца - чтобы ребёнок не появился на свет слишком рано.

- Кэти, не тужьтесь, пока не надо, пока рано. Нельзя, чтобы малыш родился быстро. Дыши, милая, часто-часто, вдох-выдох, вдох-выдох, вдох-выдох, не

тужьтесь, просто дышите.

Девочка послушалась, и схватка отступила. Рут облегчённо вздохнула.

– Со следующей схваткой ребёнок родится. Понимаю, вам хочется тужиться, но не начинайте, пока я не скажу. Надо, чтобы головка прошла медленно. Если вы будете чрезмерно тужиться, он появится слишком быстро. Понимаете?

Кэтлин слабо улыбнулась и кивнула.

– Можете повернуться на левый бок, лицом к стене? Так нам обеим будет проще.

Девочка кивнула и повернулась. В этот момент началась очередная схватка.

Рут встала на колени перед низкой кроватью с провисшим матрасом. Освещение было ужасное, но времени тянуться за фонарём не было. Кэтлин глухо застонала и зарылась лицом в грязную подушку, чтобы заглушить звук. Головка ребёнка чересчур быстро двигалась вперёд. Рут снова придержала её.

– Не тужься, Кэти, просто дыши. Давай, вдох-выдох, молодец!

Когда схватка стихла, Рут осторожно отпустила макушку и позволила ей немного продвинуться. Промежность натянулась, но продолжала удерживать младенца внутри.

– Ещё одна схватка, и ребёнок появится на свет. Постарайтесь не тужиться. Мышцы живота и так достаточно напрягаются, помощь им не нужна. Малыш выйдет наружу.

Кэти кивнула, но не смогла произнести ни слова, поскольку в этот момент началась схватка. Рут осторожно помогла головке преодолеть промежность.

– Теперь можете тужиться, Кэти.

Девушка начала тужиться, и головка появилась на свет полностью.

– Самое сложное позади, милая. Теперь будет минутка передохнуть, а потом – ещё одна схватка.

Рут наблюдала за тем, как головка слегка поворачивается. Следующая схватка не заставила себя долго ждать.

– Теперь тужьтесь что есть силы.

Рут ловко ухватила ребёнка под плечико, и его тело легко выскользнуло наружу, – акушерка пропустила его между ногами матери.

– Можете повернуться на спину, Кэти, и посмотреть на малыша. Это мальчик.

Кэтлин приподняла голову.

– Храни его Господь. Сын моряка. Он какой-то маленький, нет?

Младенец и в самом деле был маловат – меньше, чем Рут предположила во время беглого осмотра. Навскидку казалось, что он весил не больше четырёх фунтов[7 - Примерно два килограмма. – Примеч. ред.]. «Наверняка Кэтлин тяжело работала и недоедала во время беременности», – с горечью подумала акушерка. Это было обычным делом. Рут зажала пуповину в двух местах и перерезала её. Теперь ребёнок стал отдельным человеком.

Но куда же его положить? Тут не имелось ни колыбели, ни одеял, мальчик был совсем крошечным, а в комнате царил холод. Его следовало согреть.

Рут положила его под руку к матери.

– Согревайте малыша своим телом. Есть во что его завернуть?

Кэтлин умиротворённо поглаживала своего сына и не обращала внимания на происходящее вокруг. Рут открыла верхний ящик комода – там лежало полотенце. Во втором ящике обнаружилась пара свитеров. «Придётся обойтись этим», – подумала она и взяла свои находки. Ткань была холодной, но, к счастью, не сырой.

- Поднимите-ка голову и плечи на минутку.

Я хочу подложить вещи под вас, чтобы вы их согрели, прежде чем мы завернём в них ребёнка.

Рут накрыла мать и сына грязными серыми одеялами и присела рядом с кроватью. Прошло несколько минут. Она пощупала живот Кэти. Что-то пошло не так. Матка на ощупь была твёрдой, и у Кэти явно начиналась сильная схватка. Рут вскочила.

- Ещё один ребёнок! Не тужьтесь, что угодно, только не тужьтесь! Просто дышите, как раньше.

Кэтлин вся напряглась, и малыш у неё в руках мог пострадать. Рут резко выдернула из-под девочки полотенце и свитера, выхватила младенца, завернула его и положила в верхний ящик комода.

Сдёрнув одеяла, она увидела головку младенца и успела принять его.

Когда рождаются близнецы, второй ребёнок может появиться на свет довольно быстро – если он небольшой, лежит, как полагается, головой вперёд, а матка функционирует нормально. Родовой канал уже растянулся, и двух-трёх сильных схваток может быть достаточно. Второй малыш родился легко и быстро и несколько минут спустя уже лежал у матери на животе. Она потрогала его и произнесла, словно не веря в происходящее:

- Ещё один! Не может быть.

- Да, Кэти, у вас ещё один сын.

Кэти погладила его по головке.

- Ещё один сын, – сказала она слабо. На её лице появилось мечтательное выражение, тело обмякло после потуг, и голос звучал отстранённо. – Ещё один морячок. Бедный ты малыш. Где ж твой папа, а?

Он уплыл далеко в море, далеко-далеко в море...

Рут измерила пульс и давление Кэти – показатели были низкими, но в целом беспокоиться было не о чем. Она понимала, что ей повезло: во время родов не возникло ни одного осложнения, которое потребовало бы медицинской помощи или хотя бы второй акушерки.

– Вы здоровая девочка, – сказала она вслух. – Как вас так угораздило?

Кэти загадочно улыбнулся.

– Видели б вы того моряка! Кудри вьются, глаза чёрные, как ночь, а уж улыбка! Я знала, что он меня бросит. Говорят же, не верьте морякам, а я, дурочка, не слушала... Теперь у меня самой два морячка. Что же скажет мама? А бабушка? Вот её я боюсь. Она строгая. Знали б вы её, сестра, тоже испугались бы.

Кэти устало вздохнула и закрыла глаза.

– Сил нет, – пробормотала она и тут же уснула.

Рут предстояло совершить немало дел – например, надо отделить ребёнка от матери, а единственную пару зажимов она уже использовала для первого младенца. Пришлось разрезать пополам кусок марли, туго перевязать пуповину в двух местах и перерезать между узлами. Наставница всегда учила её импровизировать.

Ребёнок был совсем крошечным, но выглядел здоровым и полностью сформировавшимся. Рут взяла его на руки, и он захныкал, перевернула его – и он завопил в полный голос. «Это нам и нужно, – подумала она. – Поплачь ещё, малыш, лёгкие у тебя маленькие, а так они расправятся». Мальчик послушно кричал. Рут удовлетворённо кивнула и подложила его к матери, чтобы согреть.

Дальше она задумалась, что делать с новорождёнными. В идеале их с братом требовалось искупать, тщательно осмотреть, взвесить, измерить и положить в чистую колыбельку поближе к камину. Но тут не было ни горячей воды, ни мыла, ни чистых полотенец... Прежде всего следовало завернуть ребёнка во что-нибудь. Рут осмотрела комнату. В углу стоял шкаф – она с надеждой заглянула внутрь, но обнаружила только гору поломанных железок. Тут ей на глаза попала одежда Кэти – юбка, свитер и дешёвый тоненький жакет. Уже лучше.

Вещи были ещё тёплыми, так что она завернула в них малыша и положила в средний ящик комода. Ничего себе ночка выдалась! Что же будет дальше?

Дальнейшие события, однако, превзошли её самые смелые ожидания.

Рут снова присела рядом с кроватью. У неё было время осмыслить ситуацию. После рождения близнецов мышцы матки растянулись и перетрудились, и может пройти до получаса, прежде чем очередная схватка исторгнет наружу плаценту. Кэти спала – её хрупкое, но сильное тело было совершенно измождено родами. Когда боль, наконец, сошла на нет, девушка уснула. Рут оперлась спиной о стену и взглянула на часы. Как странно идёт время! Менее часа назад она вылезла из постели, чтобы ответить на звонок! Акушерка попыталась восстановить случившееся в памяти – ночная дорога, девочка на улице, подъём по лестнице, воды и рождение ребёнка. Все эти события промчались словно при ускоренной перемотке. Да и что такое время? Одни говорили, что его не существует, другие – что прошлое, настоящее и будущее едины. Кто вообще разбирается во времени? Точно не она. А Кэти, по счастью, спала.

Рут ощупала верх живота роженицы и замерла от удивления. Матка по-прежнему была твёрдой. «Что-то не так, – подумала Рут. – Это не плацента».

Она осторожно пальпировала живот.

– Это точно не плацента. Не может быть... это же невозможно.

Рут приложила к животу Кэтлин стетоскоп и услышала сильное ровное сердцебиение. Во рту у акушерки пересохло, и ей пришлось присесть. Ещё один ребёнок! Нежданные тройняшки, никакого ухода во время беременности, никакой помощи – да и во всём доме, кажется, не найдётся никого, кого можно было бы послать за этой помощью. Рут поёжилась – то ли от холода, то ли от страха. Мысли лихорадочно метались – как пройдут третьи роды? Два раза ей уже повезло, но третий малыш может быть в любом положении – даже поперечном. Также не стоит исключать и лобное предлежание... Она потрогала живот, но не нащупала ни головы, ни ягодиц ребёнка. Сердце его билось со скоростью сто пятьдесят ударов в минуту – довольно сильно, но для третьего малыша это может быть нормой. Рут никогда в жизни не доводилось принимать тройняшек, она даже не наблюдала подобные роды. Внутри неё всё онемело от

страха. Будет ли третий младенец таким же здоровым, как первые два? У него могут возникнуть проблемы с дыханием или другие опасные для жизни осложнения – и всё из-за того, что внутренние органы недостаточно созрели. Плацента может выйти первой, и тогда малыш останется без материнской крови, или же может выпасть пуповина. Рут даже не знала, будет ли у Кэтлин одна плацента, две или три – заглянуть внутрь было невозможно, а пальпация не позволяла это определить.

После появления на свет второго ребёнка прошло уже полчаса, а новых схваток всё не было. Кэти мирно спала, но Рут буквально трясло от волнения. Если матка не сокращается, малыш может умереть. Оставить Кэти одну на десять минут и сбегать к телефону позвонить в больницу? Или лучше не рисковать? Она колебалась. Что менее опасно?

Ситуация разрешилась сама собой. Не просыпаясь, Кэти застонала от боли, и в этот момент электрический счётчик громко щёлкнул, и свет погас. Комната погрузилась во тьму. Пытаясь нащупать велосипедный фонарь на комод, Рут уронила его – пришлось ползать по полу в поисках. Кэти стонала и тужилась, но Рут ничего не могла сделать в темноте. Наконец она нашла фонарь и включила его – девочка, видимо, заснула и лежала спокойно. Рут подошла к кровати и отёрнула одеяло. Между ног матери в луже крови лежал младенец. Рут устроила фонарь в изножье и взяла ребёнка – он был таким же маленьким, как и его братья, но выглядел абсолютно сформировавшимся и даже тихонько хныкал. Она перевернула его, и он закричал. «Это чудо», – подумала акушерка. Она снова перевязала пуповину марлей и перерезала её, после чего положила ребёнка на живот матери и укрыла их обоих, чтобы согреть. Больше вещей в комнате не было, так что она сняла второе одеяло с Кэтлин, разрешила его, обернула одним куском младенца и положила его в нижний ящик комода. Оставшиеся куски одеяла она распределила между детьми, чтобы никто из них не замёрз, после чего почти полностью – но не до конца – задвинула ящики, чтобы избежать сквозняков.

Кэти мирно спала. Рут присела рядом и неуверенно ощупала живот – вдруг там ещё один ребёнок. Но нет: живот и матка были мягкими. Рут с облегчением вздохнула, но тут же напомнила себе, что схватки ещё не кончились. Предстояла ещё завершающая стадия – самая сложная и опасная часть родов. Рут откинулась на спинку стула и закрыла глаза. Это не сон? Возможно ли такое в реальности? Накануне вечером она загулялась, потом был насыщенный рабочий день, и в результате все последние сутки Рут почти не спала. Она чуть

было не задремала, но совладала с собой. Акушерка подскочила и побрызгала в лицо холодной водой из кувшина. Это помогло ей собраться.

На то, чтобы закутать и разложить младенцев, ушло около двадцати минут, и за это время не было ни одной схватки. Нужно что-то решать. Рут взяла фонарь и направила его на кровать. Зрелище было жутким – в матрас впитывалась лужа крови и околоплодной жидкости. Но тут уж ничего не поделаешь – обычно акушерки стелили на кровать бумагу, впитывающие простыни, клеёнку, а сверху ещё простыни, которые постоянно менялись, но у Рут ничего с собой не было. Придётся оставить всё так, как есть. Она посветила на вульву. Пуповины были три, но сколько там плацент? Их тоже могло быть три – если малыши развивались из трёх яйцеклеток...

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

«Молодость – прекрасная штука. Какое преступление тратить её на детей» – это высказывание приписывают Джорджу Бернаруду Шоу. Цитата в заголовке – из третьей сцены второго акта комедии Уильяма Шекспира «Двенадцатая ночь». – Здесь и далее: примеч. авт., если не указано иное.

2

Акушерки Святого Раймонда Ноннатуса – это псевдоним. Я назвала их так в честь святого Раймонда Нонната, покровителя акушерок, акушеров, беременных, рожениц и новорождённых. Он появился на свет в Каталонии в 1204 году посредством кесарева сечения (non natus на латыни значит «не рождённый»). Его мать, что неудивительно, умерла при родах. Он стал священником и скончался в 1240 году.

3

Примерно три километра. – Примеч. ред.

4

Примерно четыре с половиной метра. – Примеч. пер.

5

Братья-близнецы, контролировавшие большую часть организованной преступной деятельности в Ист-Энде в 1950-х и 1960-х годах. – Примеч. ред.

6

Примерно пятьдесят сантиметров. – Примеч. ред.

7

Примерно два килограмма. – Примеч. ред.

Купить: <https://tellnovel.com/dzhennifer-uorf/vyzovite-akusherku-proschanie-s-ist-edom>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)